

Центр социально-экономических исследований
Научный фонд

Вэл Самонис

Университет Торонто

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИТОВСКОЙ ЭКОНОМИКИ:

**от Москвы к Вильнюсу
и от плана к рынку**

Перевод с английского Алексея Рогинко

Варшава, сентябрь 1995 г.

Материалы, публикуемые в настоящей серии, имеют рабочий характер и могут быть включены в будущие издания. Авторы высказывают свои собственные мнения и взгляды, которые не обязательно совпадают с точкой зрения Фонда CASE.

Данная работа была выполнена в рамках проекта «**Экономические реформы в бывшем СССР**» (*Reformy gospodarcze na terenie dawnego ZSRR*), финансируемого **Комитетом по научным исследованиям** (*Komitet Badań Naukowych*).

Редактор серии *Гражина Войчехович*

Редактор русского издания *Петр Козаржевский*

© CASE – Центр социально-экономических исследований,
Варшава 1995 г.

ISBN 83-86296-52-6

Издатель:

CASE – Центр социально-экономических исследований

Польша, 00-585 Warszawa, Bagatela 14

тел./факс (48-2) 628-65-81, (48-22) 29-43-83

1. Исторический экскурс

Традиции государственности в Литве восходят к одиннадцатому столетию: в шестнадцатом веке она представляла собой крупнейшее государство Европы. Несмотря на это, возродившись после первой мировой войны, страна вынуждена была начать развитие во всех сферах почти с нуля. Хотя в стране практически отсутствовали природные ресурсы (за исключением земельных), в течение двух десятилетий независимости в межвоенный период во многих областях, включая экономику, был достигнут значительный прогресс. Будучи основанной в основном на сельском хозяйстве, экономика страны установила довольно тесные межотраслевые торговые взаимоотношения со странами Запада, особенно с Великобританией, Германией и скандинавскими странами. Литва экспортировала в эти страны сельскохозяйственную продукцию (свинину, птицу и т.п.) и импортировала из них машины, оборудование и другие промышленные товары. По уровню экономического развития Литва находилась далеко позади Великобритании или Германии и примерно соответствовала уровню некоторых стран Центральной Европы и Скандинавии. [Simutis 1942; Antanavicius 1995; et al]. В результате применения экономически обоснованных мер фискальной и денежной политики после первой мировой войны была быстро достигнута макроэкономическая сбалансированность, сохранявшаяся в течение всего межвоенного периода, включая «великую депрессию». Литовская валюта была наиболее твердой или второй по твердости в Европе [Simutis 1942; Misiunas & Taagepera 1983; Samonis 1993d; Grennes 1994; et al.].

2. Наследие советской оккупации

Структура экономики Литвы после второй мировой войны формировалась в условиях насильственного присоединения (на основе пакта Молотова-Рибентропа) к советской экономической системе. В результате экономика Литвы оказалась ущербной по сравнению с экономикой Дании, Финляндии или других независимых, сопоставимых с ней стран Запада. Кроме того, она сильно перегружена тяжелыми отраслями промышленности в ущерб развитию других отраслей, особенно производства товаров народного потребления и услуг. В год восстановления независимости (1990) в промышленности преобладали три основные отрасли: машиностроение и производство оборудования, включая электронное, легкая и пищевая промышленность, на которые приходилось около 70% общего объема промышленного производства. Характерной чертой промышленности Литвы является то, что она не ориентирована на производство конечной продукции. В советский период промышленность Литвы ориентировалась на производство промежуточных видов продукции, полуфабрикатов и частей, предназначенных для советского рынка. В результате доля конечной продукции в общем объеме промышленного производства относительно невелика. Доля же промежуточной продукции в общем объеме промышленного производства составляет 30-40%. Она особенно велика в электронике, машиностроении и металлообработке (40-45%); в легкой промышленности (27-30%); в различных отраслях лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности она колеблется от 23 до 74% [Rainys... 1994; Samonis 1985; et al.].

Направления инвестирования в основном диктовались из Москвы и опирались на нужды различных отраслевых министерств. Приоритетным было развитие общесоюзных отраслей и сооружение новых крупных предприятий. Нужды республики играли в

лучшем случае вспомогательную роль и оказывали очень небольшое воздействие на формирование структуры экономики Литвы. Подобная политика сильно изменила структуру основных фондов. В 1950 г. около половины основных фондов приходилось на пищевую и легкую промышленность, а в 1990 г. — менее 20%; более половины основных фондов сосредоточено в энергетике, машиностроении и металлообработке. Хотя развитие тяжелой промышленности в СССР и являлось в течение длительного времени приоритетным направлением, сильной технологической базы для нее создано не было. Используемые в промышленности Литвы машины и оборудование не отвечают мировым стандартам. Несмотря на то, что две трети объема промышленного производства производилось в машиностроительных и металлообрабатывающих отраслях, в нем доминируют физически и морально устаревшие технологии. Коэффициент обновления основных фондов постоянно снижался: за двадцать лет он сократился в 2,4 раза. Почти половина работающих в промышленности занята ручным трудом, поэтому производительность труда на промышленных предприятиях невысока. Используемые технологии чрезвычайно ресурсоемки. В развитых странах Запада потребление энергии на единицу произведенного ВВП снижается примерно на 1-2% в год, в Литве же наблюдалась обратная тенденция. В соответствии с данными советской статистики, которые обычно не учитывают воздействия скрытой инфляции и вообще имеют сомнительную ценность, за период 1950-1990 гг. промышленное производство в Литве возросло в 44 раза, а потребление энергии в промышленности в 99 раз. Около сорока промышленных предприятий Литвы чрезвычайно экологически опасны из-за избыточного потребления ресурсов и использования устаревшей советской технологии [Maldeikis 1994; Samonis 1994b; Lainela & Sutela 1994; et al.].

Уровень концентрации производства и соответственно его монополизации в Литве в начале 90-х гг. был чрезвычайно высок. Это было следствием горизонтальной и в значительно меньшей степени вертикальной интеграции промышленности. Из 300 наименований основных видов продукции, производимой в Литве в 1990 г., 123 производилось на одном предприятии, 196 — на 1-3 предприятиях, что составляет 40% и 60% соответственно. Подобное положение складывалось во всех отраслях промышленности. В основных из них, таких как металлообработка, пищевая, легкая и химическая, доля продукции, производимой на крупных предприятиях с числом занятых более тысячи человек, составляла в 1990 г. от 76 до 90%. Из-за слабого развития производственного обслуживания, а также сопутствующих производств, если использовать терминологию профессора Майкла Портера [1990], большинство предприятий, пытаясь сделать все самостоятельно, вынуждены были создавать вспомогательные производства (литейное, по предварительной обработке, штамповочное, упаковочное, транспортное, строительное, ремонтное и т.д.) находящиеся на низком технологическом уровне. Эффективность таких вспомогательных производств была низкой, в 3-4 раза ниже, чем на специализированных предприятиях. Помимо того, большинство предприятий выполняли функции социального и культурного обслуживания для занятых на них работников и их семей. Сюда относились детские сады, магазины, спортивные центры и центры отдыха, летние лагеря, библиотеки, культурные центры и т.д. [Maldeikis 1994; Samonis 1994b; et al.].

В наследство от советской оккупации Литва получила сельское хозяйство, почти полностью принадлежащее государству и построенное по советской ортодоксальной модели, если не считать очень небольшой процент земельных угодий, которые распределялись в качестве садовых участков. И колхозы, которые формально находились в коллективной собственности, и совхозы, которые принадлежали государству, действовали под жестким контролем государства; лишь треть из них относилась к категории прибыльных по советским стандартам, которые не учитывали заниженных цен на факторы производства. Литовское сельское хозяйство, в котором доминировало животноводство (свиноводство и разведение крупного рогатого скота), был поставлено в жесткую зави-

симось от дешевых комбикормов, нефти и других факторов производства, импортируемых из России и других советских республик. Использование местных факторов производства, за исключение рабочей силы, цена которой была сильно занижена, было сведено к минимуму. Все это лишь способствовало воспроизведению неэффективности, внутренне присущей советской системе [Samonis 1985; Wadekin 1985; World Bank 1993; et al.]. В сочетании с институтом прописки (ограничение или даже запрещение передвижения населения) и другими элементами политики экономического угнетения система сельского хозяйства, навязанная Литве, мало чем отличалась от разновидности феодального рабства.

Все эти навязанные советской системой деформации оказали вполне определенное воздействие на характер трансформации литовской экономики. Прежде всего они обусловили необоснованную зависимость экономики Литвы от импортируемых из России и других республик бывшего СССР ресурсов, а также отрицательно сказывались на темпах и масштабах перехода к рыночной экономике.

3. Попытки реформировать экономику до начала перестройки

Идея предоставления некоторой экономической автономии советским республикам родилась еще во времена хрущевской оттепели. Ее реализация предполагала решить две основные проблемы сверхцентрализации, характерной для эпохи сталинизма: экономической неэффективности и политического сопротивления. Ее можно было рассматривать как часть новой тенденции перехода от полностью централизованной системы экономического управления через московские министерства к системе, в которой большее внимание уделялось бы регионам как субъектам экономического управления. В 1957 г. была введена система совнархозов (региональных экономических советов). Это был шаг к введению ограниченной экономической автономии на уровне республик, так как некоторым небольшим республикам был предоставлен статус регионов. Система совнархозов в некоторых случаях успешно использовалась местной администрацией на благо экономики Литвы и дала ей толчок к развитию экономической активности. Хорошим примером стало сооружение дорог на средства, «приобретающиеся» у других регионов [Misiunas & Taagepera 1983, 179-180; Samonis 1985; Antanavicius 1995; et al.]. В 1980-х гг. началось внедрение республиканской экономической автономии, которому сопутствовало введение принципов хозрасчета (самофинансирования). Это просто означало попытку передать экономическую ответственность из центра на более низкие уровни управления, которые должны были сопоставлять затраты с результатами своей деятельности и нести ответственность за финансовые результаты. Как система совнархозов, так и концепция хозрасчета были использованы литовской администрацией для оправдания в глазах Москвы движения к независимости. Конечные результаты этой игры не были и не могли быть значительными, так как Москва зорко следила за ситуацией. В частности, не произошло сколько-нибудь заметного сокращения числа системных или структурных деформаций. В любом случае к концу 60-х гг. даже эти ограниченные свободы были постепенно свернуты [Misiunas & Taagepera 1983; Antanavicius 1995; et al.].

4. Реформы в Литве в период перестройки

М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем КПСС в марте 1985 г. В эпоху Горбачева, которая впоследствии стала известна как эпоха гласности и перестройки, си-

туация существенно изменилась. Отражая развитие гласности, в ходе дискуссий начали постепенно формироваться концепции экономического суверенитета или экономической независимости, а предложения относительно реформирования экономической системы постоянно пересматривались в сторону их большей радикализации. Этот процесс начался с появления концепции хозрасчетной (самофинансирующейся) республики. Под давлением снизу экономические советники Горбачева, пытаясь сгладить сепаратистские тенденции, проталкивали эту идею как модель для советских республик. В сентябре 1988 г. ЦК КПСС был вынужден пойти на введение, начиная с 1 января 1990 г., самофинансирования в числе прочих и в республиках Балтии. Эта концепция должна была стать ответом на взаимные недовольства и обвинения, постоянно возникавшие между Москвой и республиками относительно того, кто за счет кого живет, то есть кто выигрывает от одностороннего перемещения ресурсов [USSR: Russian...1988; Samonis 1991a,1993d; et al.].

Московская пропагандистская машина постоянно муссировала тот факт, что центр обеспечивает Литву дешевым сырьем, природным газом (по 28 советских рублей за 1 тыс. м³ по сравнению с 97 долларами США на мировом рынке) и нефтью (по 30 советских рублей за тонну по сравнению со 110 долларами США на мировом рынке) [How Will ...1990; et al.]. Кроме того, Советы утверждали, что в течение некоторого времени Литва имела дефицит в торговле с Советским Союзом (5,9-7 млрд. долларов США) и получала из центра мощную финансовую поддержку. Москва активно распространяла различные оценки величины совокупного долга Литвы. Их разброс оставлял от 1 трлн. до 500 трлн. рублей (что в то время соответствовало примерно 33 трлн. долларов США по свободно-рыночному курсу) и более. [Baldisis and Terleckas 1989; Hammer 1990; Summers 1990; et al.].

Некоторые серьезные литовские и западные экономисты оспаривали эти цифры, утверждая, что наоборот, Горбачев должен платить Литве. Заниженные цены на поставившиеся из центра ресурсы (нефть и др.) способствовали главным образом дальнейшему искривлению структуры литовской экономики и закреплению навязанной ей неэффективной советской системы. Действительно, страны Балтии получали из Москвы большие, по сравнению со средними, размеры инвестиций (переводов капитала), но это происходило главным образом потому, что центр мог получить от них значительно более высокую отдачу, чем, например, от республик Средней Азии; в случае Литвы существенную роль играли также имперские военные соображения. Более того, необходимо помнить, что перемещение ресурсов шло и в обратном направлении. Например, большая часть значительных ресурсов, накопленных литовскими отделениями советских банков, была просто конфискована Госбанком и так и не возвращена. Если попытаться подвести баланс, то в целом советская политика привела к выкачиванию ресурсов из Литвы [Samonis 1991a,1993d; World Bank 1993, 107; et al.]. Частично вследствие использования неполной или тенденциозно подобранной советской информации и/или пропагандистских заявлений без серьезного их критического рассмотрения вышеперечисленные аспекты не были поняты многими аналитиками на Западе и вообще в мире.

Те, кто отстаивал точку зрения, что Горбачев должен заплатить Литве, считали, что сумма долга Москвы Литве может быть в десять раз выше (около 500 млрд. долларов США). В нее включались старые советские долги по российско-литовскому мирному договору от 12 июля 1920 г., ущерб от эксплуатации и разрушения литовской экономики в первые годы советской оккупации (1940-1941), а также террор, эксплуатация, структурные деформации и опустошение, которые принесла советская власть в послевоенный период, включая упомянутые выше аспекты. Иногда общий результат отставания в развитии литовской экономики и потреблении вследствие советской оккупации оценивается исходя из уровня Дании, Финляндии или других сопоставимых западных стран региона. Если в 1930 г. Литва находилась примерно на отметке 90% от уровня Финляндии, то к 1989 г. она

скатилась на уровень от 10 до 40%, если не ниже. Некоторые считают, что навязывание Литве советской коммунистической системы отбросило ее в экономическом развитии на три десятилетия назад [Rugieniene 1990; Aleskaitis 1990a; Terleckas & Baldisis 1989; Terleckas 1990; Summers 1990; Ed Hewett ... 1990; Lithuania's ...1990; Samonis 1991a,1993d; Lainela & Sutela 1994; et al.].

По мере расширения свободы слова с развитием гласности концепция хозрасчетной республики постепенно начала заменяться концепцией республиканского экономического суверенитета. Эта тенденция получила довольно широкое развитие в Литве. Из различных дискуссий в литовских средствах массовой информации можно было сделать вывод, что экономический суверенитет означал поначалу нечто меньшее, чем независимость. Эта дифференциация была главным образом нацелена на то, чтобы усыпить бдительность Москвы. Однако в течение 1988 г. эти два термина слились и стали взаимозаменяемыми [Uosis 1988; Slyshat'... 1989; Antanavicius 1995; et al.].

Масштабы и направления литовских экономических реформ лучше всего можно проиллюстрировать одним основополагающим документом, а именно программой экономической независимости Литвы (далее — Программа), которая была подготовлена созданным для этой цели комитетом из специалистов в Институте экономики Литвы Литовской академии наук [Lietuvos...1988; Samonis 1990a; et al.]. Среди авторов программы — следующие ведущие литовские экономисты: К. Антанавичус (председатель), Г. Вагнориус, К. Прунскене, К. Главецкас, С. Уозис и Э. Вилкас. Завершенная в сентябре 1988 г., Программа содержала отправные пункты для поиска более конкретных практических решений проблемы развития целевой экономической модели, которая была бы позитивно воспринята населением свободной и независимой Литвы. Подобные документы были подготовлены и официально приняты всеми тремя странами Балтии на конференции в Риге (Латвия) в сентябре 1989 г. В Литве большинство последующих дискуссий о судьбах реформы использовало Программу в качестве точки отсчета, либо по крайней мере касалось отдельных поднятых в ней вопросов. В частности, Программа была принята Литовским движением за перестройку, более известного под названием «Саюдис» («Движение»), возглавляемого профессором Витаутасом Ландсбергисом. Отчасти она также сыграла роль источника для разработки многочисленных законопроектов для проведения экономических реформ, которые готовились примерно 40 правительственными рабочими группами (более 300 человек) [Aleskaitis 1990b; Sajudis ...1990; Antanavicius 1995; et al.].

5. Экономические преобразования в Литве в посткоммунистический период

5.1. Институциональные подготовительные мероприятия и конфликт с Москвой

Институциональная подготовка для внедрения мероприятий экономической реформы (экономической трансформации) началась с создания в 1989 г. Комитета по реализации экономической реформы под председательством проф Казимиры Прунскене в качестве заместителя председателя Совета Министров по вопросам реформы. 18 мая 1989 г. литовский Верховный Совет принял закон, который в целом одобрил Программу как совокупности основных принципов разработки литовской экономической модели. Однако этот закон опирался на довольно расплывчатую версию Программы [Personal ... 1989; et al.]. После длительного периода жестких дискуссий между Москвой и странами Балтии

27 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии. Будучи принят в качестве компромисса, закон был сознательно сформулирован весьма неопределенно. Так, в нем содержалось противоречивое и двусмысленное положение об использовании природных ресурсов Балтии «в интересах республик и Союза» [Law ... 1989; Miljan 1990]. Хотя Москва особенно и не одобряла более радикальных литовских предложений (таких, как введение собственной валюты), она специально и не запрещала этого. Это дало почву для интерпретаций, таких как представленная советником Горбачева Леонидом Абалкиным, что страны Балтии смогут выпускать свою собственную валюту для использования внутри республик, однако они должны будут по-прежнему использовать рубль для расчетов с СССР. В результате Литве было разрешено начать подготовку к внедрению новой экономической модели с 1 января 1990 г. Однако последующий ход событий подтвердил, что представления Москвы о литовской трансформации существенно отличались от закрепленных в Программе и от принятого впоследствии литовского законодательства.

Конфликт между Москвой и Литвой всерьез развернулся с момента создания 20 декабря 1989 г. Коммунистической партии Литвы, независимой от КПСС. Напряжение возросло во время визита Горбачева в Литву и усиливалось в последующие месяцы. Оно достигло апогея после принятия 11 марта 1990 г. литовской декларации о независимости, которую Москва расценила как антиконституционную и которая стала отправным пунктом для качественно новой стадии формирования государственности и перехода к рыночной экономике. Для того, чтобы подчинить себе литовский парламент, Кремль пустил в ход силовую политику, центральным звеном которой стала экономическая блокада, введенная 17 апреля 1990 г. Таким образом, Москва в действительности только усилила свою хватку вместо того, чтобы ее ослабить в соответствии со своей собственной схемой самофинансирования республик [Grazin & Miljan 1990; Peel 1990; Abisala 1993, 1995; et al.]. Блокада вынудила литовское правительство прибегнуть к централизации имеющихся энергетических ресурсов и применить другие методы кризисного управления. Большинство из них противоречило самой философии рыночно ориентированных реформ. Однако, по-видимому, блокада также заставила литовские предприятия активно искать партнеров на уровне ниже правительственного, невольно стимулируя развитие горизонтальных связей между предприятиями, что является неотъемлемой чертой посткоммунистической экономической трансформации [Kaminskas 1990; Abisala 1993, 1995; et al.].

В соответствии с принятой схемой трансформации число государственных министерств было первоначально сокращено с 34 до 17. Республиканский комитет по планированию, столь характерный для централизованно планируемой экономики, был заменен так называемым Министерством экономики, которое должно было функционировать как мозговой центр для всей деятельности по преобразованию экономики. Министерство готовило то, что представляло законодательную базу, скелет трансформации. Сердцем трансформации стал закон о приватизации и ее программа [Aleskaitis 1990b; et al.]. Они были более радикальными, чем это было заложено в Программе, которая предусматривала уравнивание всех форм собственности перед законом. По меньшей мере две трети материального производства, находящегося в государственной собственности (стоимостью около 30 млрд. рублей), необходимо было передать в групповую или частную собственность. Поскольку общий объем сбережений литовских граждан составлял лишь 6-7 млрд. рублей, и лишь половина этой суммы, по оценкам, могла быть использована для инвестиционных целей, по меньшей мере две трети финансовых ресурсов, необходимых для приобретения приватизируемой собственности, должны были быть предоставлены государством для того, чтобы существенно сократить переходный период и в целом ускорить этот процесс [Kaminskas & Parulskis 1990; et al.]. Базовый закон о приватизации от марта 1991 г. предусматривал единовременный выпуск ваучеров, называемых компенса-

ционными или инвестиционными чеками. По схеме, сходной с применявшейся в Чехословакии, ваучеры распределялись среди граждан Литвы пропорционально их возрасту. Они давали гражданам право приобретать государственное имущество на аукционах или путем подписки на акции. Для тех, кто не был заинтересован в приобретении акций предприятий, предусматривалась альтернатива приобретения государственных облигаций с 15-летним сроком погашения, по которым выплачивался процент. Для того, чтобы свести к минимуму инфляционное воздействие, ваучеры не разрешалось обменивать, особенно на потребительские товары. Дополнительным преимуществом ваучерной приватизации было то, что она обеспечивала защиту от массированного выкупа литовских основных фондов КГБ или другими советскими мафиозными структурами, использующими инфляционный рубль. Вся операция должна была протекать под контролем Департамента приватизации, созданного для этих целей и обладающего правом продавать государственную собственность. Приватизация должна была дать толчок радикальной финансовой трансформации, так как предполагалось провести инвентаризацию всех основных фондов предприятий. Таким образом, был бы создан своеобразный «базисный уровень» для финансовой трансформации — сумма материальных благ для обеспечения новой валюты (лита), которая должна была быть введена к 1991 г. [Jaskelevicius 1990; Kaminskas & Parulskis 1990; Samonis 1990b]. Закон о приватизации должен был дополняться другими необходимыми законами, о которых говорилось в Программе (о структуре налогообложения, конкуренции, банкротстве и др.). Была предусмотрена разработка около 40 таких законов. [Ekonomikos ... 1990; et al.]. В течение последующих двух лет было принято больше законов, чем первоначально предполагалось, что отразило тенденцию чрезмерной законодательной активности, характерную для парламентов многих посткоммунистических стран. Это привело к большому числу законодательных неувязок или противоречий, которые не способствовали процессу трансформации.

5.2. Почти полным ходом к конкурентному рынку: развитие трансформации до 1992 г.

В отличие от почти всех бывших республик СССР, в Литве были быстро освобождены цены и резко сокращено субсидирование, что привело к так называемой корректионной инфляции (см. табл. 1). За период 1989-1993 гг. цены на товары и услуги возросли почти в 200 раз, что вызвало корректионную инфляцию, уровень которой лишь в 1992 и 1993 годах составил примерно 1100 и 400% соответственно [Maldeikis 1994; Samonis 1994; World Bank 1993; et al.]. Вместе с тем, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, энергоресурсы, телекоммуникации и транспортные услуги вплоть до 1994 г. в той или иной степени контролировались государством, хотя и возрастали примерно такими же темпами, что и остальные цены; впрочем степень такого контроля была различной и в целом имела тенденцию к снижению. В результате произошло резкое падение покупательной способности заработной платы, что способствовало сохранению уровня занятости. Однако это снижение было в значительной степени компенсировано временными государственными мерами, которые иногда называли «втягиванием Литвы на верхушку воздвигнутой Москвой инфляционной горы». В условиях существовавшей в то время экономики дефицита внутри единой рублевой зоны это позволяло опережать инфляцию, порождаемую Москвой, «всасывая» товары и услуги, производимые в остальной части зоны. В результате повышался уровень жизни и возрастала доступность товаров и услуг. Подобный кратковременный период популистской политики имел место и в некоторых других бывших советских республиках, что в конечном счете и привело к развалу рублевой зоны [Navylyshyn & Williamson 1991; Antanavicius 1993, 1995; et al.]. Радикальной либерализации цен сопутствовало ликвидация препятствий на пути

организации и функционирования новых предприятий, в том числе и во внешнеторговом секторе. Вместе с тем практиковались некоторые административные и добровольные ограничения на увольнение занятых, хотя их интенсивность со временем и снижалась. Это имело своим следствием более медленные темпы роста безработицы по сравнению со снижением производства, что в свою очередь препятствовало проведению необходимых структурных изменений на предприятиях (см. табл.1).

Либерализация в секторе внешнеэкономических связей также развивалась успешно, однако несколько более медленными темпами. В 1990-1992 гг. еще практиковалось лицензирование экспорта, что являлось пережитком ментальности (и реальности) экономики дефицита. Тем не менее, вследствие проницаемости границ и довольно широко распространившейся коррупции его влияние было меньшим и менее жестким, чем могло бы быть в противном случае. Со стороны импорта либерализация также была довольно плавной. За некоторыми исключениями, тарифы оставались невысокими и довольно унифицированными. К 1993 г. импорт был почти полностью либерализован. Литва ввела либеральный режим для иностранных инвесторов. Хотя введение преференциального режима (например, в налогообложении) для иностранных инвестиций стало преобладающим в Центральной Европе, литовское видение, если не вся политика в целом, довольно быстро эволюционировало в сторону более перспективной формулы национального режима [Samonis 1991b; Guide 1993; Background...1994; et al.]. В целом регулирование внешнеэкономического сектора было приведено в соответствие с основополагающими требованиями рыночной экономики, хотя это и не было сделано в кратчайший период, как, например, в Польше.

Являясь частью процесса посткоммунистической трансформации, стабилизация должна была проводиться одновременно с либерализацией с тем, чтобы предотвратить превращение коррекционной инфляции в постоянно действующую. Стабилизация в Литве осуществлялась с помощью средств фискальной, денежной политики и политики регулирования доходов. В конце 80-х гг. центральный и совокупный государственные бюджеты Литвы сводились с дефицитом. После восстановления независимости правительство прекратило крупные переводы средств бывшему СССР, резко сократило субсидирование предприятий и ввело основные элементы современного рыночного налогообложения (например, подоходный налог, акцизный сбор и налог на прибыль). До 1993 г. налоговая политика, являясь частью посткоммунистической стабилизации, была одной из наиболее консервативных и надежных во всем мире, что, возможно, отражало традиции межвоенного периода. Баланс литовского бюджета неизменно оставался положительным (см. табл. 2). Конечно, росту доходов бюджета могло способствовать и временное лидерство Литвы в либерализации цен среди других республик бывшего СССР; однако это нейтрализовывалось действием эффекта Танци в условиях высокой инфляции. Во второй половине 1992 г. при поддержке МВФ была предпринята попытка регулирования доходов в государственном секторе. Ее первоначальной целью являлось снижение реальной заработной платы примерно на 30-35% по сравнению с уровнем июля 1992 г. На самом деле заработная плата сократилась еще больше [Navikas 1995; World Bank 1993; Infliacija ... 1995; Tanzi 1977; et al.]. Тем не менее положительный стабилизирующий эффект радикальной фискальной политики и политики доходов был частично нейтрализован непоследовательной денежной политикой на ранних этапах стабилизации или, точнее, ее отсутствием.

В результате неудачной попытки государственного переворота в августе 1991 г. СССР окончательно распался на независимые государства. Литва и другие страны Балтии восстановили свою реальную, в отличие от формальной, независимость и вступили в международные организации, в первую очередь в ООН. Одним из проявлений этой реальной независимости стало введение собственных валют; этот шаг был сделан вопреки перво-

начальной позиции и довольно градуалистской философии МВФ, который выступал за сохранение рубля в принципе (в качестве оптимальной валютной зоны) или по крайней мере до заключения межгосударственных соглашений о платежах. В 1991-1992 г. Литва использовала специальные купоны (талоны) в качестве параллельной валюты, во-первых, для того, чтобы сократить дефицитность товаров, возникающую из-за трансграничной торговли и, во-вторых, для снижения дефицита наличных рублей. 1 октября 1992 г. рубль был изъят из обращения, и талоны стали единственной валютой. Эта мера была нацелена на то, чтобы остановить растущий приток инфляционных рублей из стран бывшего Советского Союза. Тем не менее, эта мера отличалась от предусмотренной в Программе (и от резких, революционных шагов Эстонии), поскольку Литва заменила рубли на талоны, т.е. на временную валюту. В сложившихся условиях проведение действенной финансовой политики в Литве вряд ли было возможно из-за обычных проблем дефицита доверия и т.п. Введение постоянной валюты (лита) было отложено до июня 1993 г., что было связано с двумя причинами. В 1992 г. правительство Литвы и Центральный банк ожидали, когда резкий скачок цен на импортируемую из России нефть, частично отложенный с 1990-1991 гг., окажет воздействие на уровень цен, подталкивая коррекционную инфляцию, что и произошло на практике (см. табл.1). Кроме того, проявились некоторые трудности технического характера (происхождение которых пока неясно) при печатании постоянной литовской валюты за рубежом. И, последнее, но не менее важное: в Литве отсутствовала решимость к проведению денежной трансформации в соответствии с собственной Программой, что в некоторой степени было связано с представленной выше позицией МВФ [Abisala 1993,1995; Konopliovas 1993; Samonis 1993; World Bank 1993; Lainela and Sutela 1994; Materials ...1993; Wolf 1994; Dabrowski 1995; et al.].

Приватизация и связанная с ней демонополизация — наиболее важные элементы, основа перехода от плана к рынку. На фоне гладко идущей малой приватизации (особенно в сфере торговли и услуг), в Литве в соответствии с Программой чрезвычайно активно осуществлялась широкомасштабная ваучерная приватизация основного ядра государственных и коллективных предприятий. За ваучеры и соответствующее количество денег каждый гражданин мог приобрести государственные фонды на заранее объявленных аукционах, подписываясь на акции или на тендерах, основанных на бизнес-планах, которые проводились с максимальной гласностью и обеспечением широкого участия. Так же как и в Чехии, в Литве для участия в этом процессе возникло от 300 до 600 инвестиционных фондов, как имеющих лицензию, так и не имеющих ее. В отличие от других посткоммунистических стран (за исключением Чехии), Литва быстро приступила к широкому использованию реституции как формы приватизации, особенно в сельском хозяйстве. Временные администрации колхозов и совхозов получили права на реституцию или на проведение других мероприятий с тем, чтобы перевести значительную часть основных фондов в частную или действительно кооперативную собственность в течение начального полугодового периода! Был также разработан и опубликован перечень объектов, предназначенных для продажи за конвертируемую валюту. В общем и целом Литва рассматривалась международными экспертами как, вероятно, наиболее «агрессивный» приватизатор среди всех посткоммунистических стран, включая страны Центральной Европы (см. табл. 4). К концу 1992 г. в экономике Литвы был перейден символический рубикон: 50% всех предприятий, на которых было сосредоточено свыше одной трети производственных фондов страны, было передано в частную собственность. Благодаря активной приватизации жилого фонда, формированию рынка недвижимости и повышению в связи с этим мобильности рабочей силы не только капитал, но и рабочая сила освобождались от жесткого контроля со стороны государства быстрее, чем это произошло в большинстве других посткоммунистических стран. В целом, как это и предусматривалось в Программе, должное внимание было уделено формированию конкурентного рынка. Демонополизация

была осуществлена посредством открытия экономики, в особенности на Запад. Кроме того, в качестве составной части системы организационных мер по формированию конкурентных рынков был образован специальный антимонопольный орган [Abisala 1995; World Bank 1993; IMF 1993,1994; Hansson 1994; Lainela and Sutela 1994; Background...1994; et al.].

Вследствие быстрого распада СССР была полностью разрушена система внешнеторговых связей. В результате повышения цен на экспортируемую Россией нефть до мирового уровня Литва испытала шоковое изменение условий торговли, которое оказалось еще более драматичным, чем нефтяной кризис 70-х гг. на Западе. В сочетании с ожидавшимися последствиями проведения радикальной приватизации и других мероприятий по трансформации это привело к падению экономических показателей. В 1992 г. в Литве было официально зарегистрировано снижение валового внутреннего продукта (ВВП) примерно на одну треть, в том числе падение промышленного производства почти на половину (см. табл. 1). Это падение усугублялось разворовыванием основных фондов бывшей коммунистической номенклатурой, особенно в сельском хозяйстве; после выборов 1990 г. во главе органов местной администрации стоял в основном этот слой, достаточно непримиримо настроенный по отношению к правительствам, поддерживаемым «Саюдисом». Председатели колхозов и директора колхозов отрицательно относились к реституции и ваучерной приватизации, не без оснований опасаясь, что это подорвет их привилегированные позиции в процессе перераспределения фондов. Часть сельскохозяйственной техники была просто похищена администрациями колхозов и совхозов, которые воспользовались отсутствием надлежащего учета и недостаточным контролем за исполнением законов, что, впрочем, типично для любой революционной ситуации. В результате в Литве резко обострилась политическая борьба по вопросам сельского хозяйства и другим проблемам посткоммунистической трансформации [Samonis 1993a,b,c; et al.].

В результате неизбежного разрыва торговых связей с Советским Союзом, последовавшего за распадом советской империи, а также иных, не предусматривавшихся (хотя и не всеми, см. Samonis 1991c, 1993c) процессов, связанных с трансформацией (например, падения производства), в обществе сформировалось негативное восприятие политики правительства. На самом деле, однако, все эти явления, возможно, являлись наилучшим свидетельством прогресса радикальной экономической трансформации. Производство не находящей спроса продукции, военное производство и другие ресурсо-расточительные или загрязняющие среду формы «чисто социалистического производства» (Balcerowicz 1994a&b, 1995) ликвидировались посредством, используя выражение Г. Шумпетера, «созидательного разрушения», и продолжать производиться могла лишь продукция, прошедшая испытание рынком. Несомненно, это негативное восприятие было в значительной степени основано на статистических иллюзиях посткоммунистического периода, к 1995 г. подробно описанных (хотя и не всеми принятых) в литературе (см., например, Lainela & Sutela 1994; Kolodko 1993). Ощутимый позитивный эффект радикальной трансформации должен был сказаться какое-то время спустя. В тот же период такая точка зрения не нашла сколько-нибудь широкого понимания, в основном из-за близорукости политиков — явления, знакомого по опыту развивающихся стран. Таким образом, осознание необходимости перенести кратковременную боль во имя получения гораздо большего долговременного выигрыша не получило в обществе достаточного распространения [Samonis 1992, 1993c; Something...1993; Krueger 1990; et al.].

6. Воздействие посткоммунистического правительства

6.1. Системный поворот

Негативное социальное восприятие прогресса, достигнутого в переходе от плановой к рыночной экономике, подготовило плодородную почву для массовой пропагандистской антиправительственной кампании, начатой Демократической партией труда (ДПТ), преемником Коммунистической партии Литвы (до 1990 г. — литовской секции КПСС). Падение производства изображалось опытными пропагандистами как результат антисоветского, антикоммунистического угара и экономической некомпетентности «музыковедов», «физиков» и т.п. из правительства «Саюдиса»; лишь опытные «экономисты» смогли бы избавить Литву от неизбежной катастрофы (включая голод!) и вернуть ее на путь развития. Для того, чтобы предотвратить эту надуманную катастрофу, ДПТ также стремилась к более тесному сотрудничеству с Россией, чем с Западом. Партия распространяла слухи о своем знании московских коридоров власти и о том, что она может добиться более мягких по сравнению с рыночными условиями для литовского импорта нефти. Ранняя зима 1992 г. придала этим проблемам особую остроту и, казалось бы, подтвердила мрачные предсказания. Неудивительно поэтому, что в результате выборов, состоявшихся осенью 1992 г., был сформирован парламент, в котором доминировала оппозиция, т.е. посткоммунистическая ДПТ, которая и сформировала национальное правительство. Местные органы власти находились в руках этих сил уже с 1990 г.

Одним из первых шагов, предпринятых вновь образованным правительством, была приостановка приватизации примерно на два месяца, вплоть до разработки «лучших, менее социально болезненных» путей ее осуществления; предметом особой озабоченности была якобы доминирующая роль мафии в процессе приватизации [Antanavicius 1995]. Немедленным следствием этого шага стала инфляционная пятидесяти-процентная девальвация временной валюты (талонов), используемых для приобретения акций предприятий наряду с ваучером; к маю 1993 г. эта девальвация достигла более 100%. [Abisala 1993; et al.]. Зимой 1993 г. приватизация была официально возобновлена, но из-за отсутствия политической воли в высших эшелонах власти так и не удалось придать ей характера и темпов, присущих ей в период до выборов, по крайней мере до последних месяцев 1994 г. По некоторым оценкам, приватизация вообще приостановилась на достаточно длительный период, в особенности реституция земли в сельском хозяйстве, которое в межвоенный период независимости было фермерским. В соответствии с искаженной советской логикой «чем больше, тем лучше», местные администрации и директора колхозов оказывали давление на получивших свою землю назад фермеров с целью вновь сдать эту землю в аренду колхозам, которые были переименованы в сельскохозяйственные товарищества. Предполагалось, что эти переименованные колхозы и совхозы должны были стать основой литовского сельского хозяйства на длительный (например, двадцатилетний!) период времени. Эта и подобные тенденции нашли достаточно широкое отражение в литературе [см. Gineitis 1993; Valatka 1993; Peleckis 1993; Dvi... 1993; Antanavicius 1995; et al.]. В конечном счете эти усилия оказались малопродуктивными из-за крайне низкой экономической эффективности колхозов и сопротивления фермеров, порожденного темпами приватизации и ожиданиями, сформированными предыдущими правительствами. К концу 1994 г. лишь немногим больше 10% земли оставалось в собственности «реформированных» колхозов [Simenas 1994; Antanavicius 1995; et al.].

В целом, на смену радикальной, массовой, свободной приватизации, проводившейся правительствами «Саюдиса», пришел противоречивый процесс, в котором проявились черты отхода от прямого пути к системе конкурентной рыночной экономики. Согласно некоторым исследованиям, [см., например, Semeta 1994], к 1994 г. в законы о приватизации было внесено по меньшей мере десять подобных изменений.

Одной из таких черт стала активная приватизация, проводившаяся бывшей коммунистической номенклатурой. Известная под названием спонтанной приватизации старой номенклатуры (в основном директорами государственных предприятий), она отмечалась в Венгрии и Польше в первые годы посткоммунистических преобразований в 1989-1990 гг. Хотя такая приватизация не представляет теоретических проблем с точки зрения неоклассической экономики (при условии обеспечения передачи прав собственности), спонтанная приватизация способна вызывать (и уже вызвала!) протест против ее проведения со стороны «ущемленного» большинства населения. Кроме того, директорам государственных предприятий и другим бывшим советским «экономистам» (за исключением немногих ученых) присущ стиль мышления, мало пригодный для осуществления приватизации и вообще системных изменений. Имеющие в большинстве своем техническое образование, они плохо представляют себе (или вообще не представляют) закономерностей экономических процессов в рыночной системе; эти кадры сформировались под влиянием командной экономики советского типа, и их основные усилия направлены не на конкурентную борьбу и т.д., а на получение помощи от правительства [Something... 1993; Samonis 1993b; et al.]. Сельскохозяйственная номенклатура колхозов и совхозов занималась «приватизацией для себя» еще до выборов 1992 г., используя двойственность существовавшей тогда в Литве политической системы (некоммунистические правительства на национальном уровне и местная администрация, состоящая из бывших коммунистов). Усилия национального правительства, направленные на то, чтобы положить конец разрывыванию государственной собственности старой номенклатурой и новой мафией, оказались напрасными из-за широких прав, предоставленных местным органам власти, и неявного саботажа со стороны правоохранительной системы, находившейся под влиянием этих сил, особенно номенклатуры.

Типичный механизм номенклатурной приватизации при посткоммунистическом правительстве заключался в следующем. Директор государственного предприятия получает кредит из своего банка для финансирования закупки большого числа ваучеров, которые в свою очередь были ранее приобретены одним или несколькими инвестиционными фондами (группами предприимчивых частных лиц, некоторые из которых контролировались мафией) у населения. Как правило, у предприятия имеется значительное количество нереализованной продукции, и директор использует эту продукцию, принадлежащую государству, в качестве обеспечения получаемой ссуды. После приобретения достаточного числа ваучеров за счет ссуды и обмена их на акции предприятия у директора сосредотачивается контрольный пакет акций, и предприятие (включая нереализованную продукцию, использованную в качестве залога) перестает принадлежать государству и переходит в собственность директора и его друзей (включая президента банка и т.п.). Проявляя высокую активность в качестве нового владельца предприятия, директор распродает залоговые материальные ценности и погашает ссуду, завершая тем самым процесс передачи собственности [Simenas 1994; et al.].

Еще одной характерной чертой изменившейся схемы приватизации стало повышение долевого участия работников предприятия в распределении акций с первоначальных 10% до 30 и 50%. Коллективная собственность на средства производства и другие варианты «трудового социализма» уже продемонстрировали свою неэффективность (или гораздо меньшую эффективность) по сравнению с частной собственностью как в теории, так и на практике. Вместе с тем, как было показано выше, Программа экономической

независимости Литвы была несвободна от пережитков коллективной собственности, что и составило теоретическую основу для политики посткоммунистического правительства [Samonis 1990a; et al.]. Хотя 30% акций, продававшихся в соответствии с данным законом, являлись обычными, 20% должны были составлять акции без права голоса. Данное положение затрудняло закрепление четко определенных прав собственности, подрывая тем самым эффективность управления компанией. Учитывая, что имеются свидетельства неформального и/или формального запрета перепродажи таких акций третьим лицам, не занятым на данном предприятии, то представляется, что «трудовая собственность» является лишь уловкой для укрепления монопольной власти номенклатуры. Свидетельства злоупотребления монопольными правами в Литве многочисленны, особенно во взаимодействии фермеров с предприятиями пищевой промышленности, занимающими монопольное положение [IMF 1993,1994; Simenas 1993,1994; Valatka 1993; Peleckis 1993; Abisala 1995; et al.].

Еще одной чертой измененной схемы приватизации стало существенное расширение возможностей для выкупа акций занятыми на предприятии за счет возросших прибылей, что в принципе разрешалось Законом о предприятии от 1990 г. Однако поскольку стоимость основных фондов неадекватно индексировалась в соответствии с инфляцией, а рынок капитала находится еще в зачаточном состоянии, то такая система представляет собой весьма эффективный механизм для передачи прав собственности в руки номенклатуры. В соответствии с интерпретацией по крайней мере некоторых юристов, Закон от 1991 г. о первичной приватизации фактически аннулировал соответствующую часть Закона 1990 г. о государственном предприятии, запрещая тем самым использование такого механизма, в особенности если стоимость фондов не индексировалась в соответствии с инфляцией и исключалась конкуренция. В соответствии с данными государственной контрольной инспекции Литвы, к 1994 г. были нелегально приватизированы основные фонды на сумму 2,5 млрд. литов. Некоторые из оппозиционных партий, например, консервативная партия Литвы, выступали против политики посткоммунистического правительства, хотя первоначально и с достаточно популистских позиций. Число участников референдума по данному и связанным с ним вопросам, проведенного в августе 1994 г., лишь немного не достигло высокого показателя (50% + 1 голос), требуемого для принятия решения о приостановке и отмене незаконной приватизации. Первичная (ваучерная) приватизация завершается в Литве в июне 1995 г., и начинается ее вторая стадия (за литы и конвертируемую валюту) [IMF 1994; Pripazintas ...1994; OMRI 1995; et al.].

Наконец, посткоммунистическое правительство «очистило от пыли» некоторые из старых неэффективных бюрократических структур. Число министерств возросло с 17 до 20, а численность различных правительственных агентств, комитетов и т.п. за 1993-94 гг. постоянно имела тенденцию к увеличению. Это не только увеличило расходы на содержание государственного аппарата, но и, что более важно, привело к деформациям некоторых уже произошедших позитивных системных изменений. Эти тенденции нашли свое отражение в повышении налогового бремени на общество и в бюрократическом вмешательстве в дела бизнеса (например, коммерческих банков со смешанным капиталом), что привело к доминированию краткосрочного подхода к принятию решений как в правительстве, так и в бизнесе. В частности, такой подход наносит ущерб сбережениям и инвестициям, которые являются основой для устойчивого экономического роста [Nauseda 1995; Antanavicius 1995; Samonis 1995b; et al.]. В целом, стирая границы между правительством и бизнесом, усиливающийся государственный интервенционизм формирует плодородную почву для роста нелегальных доходов старой номенклатуры, новой бюрократии и мафии. С другой стороны, консолидированный объем налогов, составляющий в Литве около 30% ВВП, по-прежнему не превышает соответствующих величин в других посткоммунистических странах, например, в Эстонии (33%), Венгрии (54%), в Чешской

республике (49%). Кроме того, процесс формирования современной структуры налогов (НДС, подоходный налог и т.п.) был в основном завершен в Литве к концу 1994 г. Хотя уклонение от уплаты налогов по-прежнему широко распространено, данные различных литовских правительственных источников и Европейского банка реконструкции и развития свидетельствуют о том, что налоговая служба в стране укрепляется [Kniuksta 1995; Navikas 1995; et al.].

6.2. Смешанная политика стабилизации

До 1993 г. литовская налоговая политика и политика регулирования доходов, будучи составными частями процесса посткоммунистической стабилизации, были одними из наиболее консервативных и надежных во всем мире; из года в год баланс литовского бюджета неизменно оставался положительным (см. табл. 2). В 1993-94 гг., однако, ситуация в сфере стабилизации оставалась сложной, хотя и относительно неплохой по сравнению с другими посткоммунистическими странами. Новое посткоммунистическое правительство быстро обратилось к старому порочному приему инфляционного увеличения заработной платы, зачеркивая некоторые результаты прежней политики доходов. Оно также вернулось к бюджетному субсидированию крупных государственных и коллективных предприятий, начав весной 1993 г. с сельского хозяйства. В частности, в соответствии с постановлением правительства № 147, 147 государственных предприятий было освобождено от уплаты налоговых платежей и задолженностей по штрафам на 1993 г.; из этого числа 49 предприятий были освобождены от налоговых выплат в бюджет до конца 1995 г., а 14 — до конца 1996 г.! Даже если и существовали какие-либо сомнения относительно учета налогов, выплачиваемых предприятиями, то подобная практика дифференциации налоговых льгот привела по меньшей мере к ненужной политизации всего процесса экономической трансформации. Имели место попытки покрыть появившийся в результате бюджетный дефицит за счет неинфляционных источников, эмитируя облигации, которые могли бы приобретаться коммерческими банками; к 1994 г. было проведено десять эмиссий, и эта тенденция набирает силу. Однако в условиях неразвитого финансового рынка, низкого уровня сбережений и растущего недоверия к политике посткоммунистического правительства данный источник поступлений в бюджет вряд ли можно признать надежным. Более того, данный способ удовлетворения финансовых appetитов правительства способен вытеснить инвестиционное кредитование частных лиц и тем самым замедлить экономический рост. Помимо того, правительство прибегало к протекционистским мерам, повышая ввозные таможенные пошлины, в особенности на импорт сельскохозяйственных товаров. Это повышало и без того высокое инфляционное давление, вызванное временной приостановкой приватизации и другими факторами [IMF 1993; World Bank 1993; Vyriausybe...1994; Samonis 1994; Nauseda 1995; Abisala 1995; et al.].

Общая картина макроэкономической стабилизации могла бы выглядеть еще хуже, если бы не денежная политика. Банк Литвы (БЛ) является независимым от правительства. Ожидавшееся в течение длительного времени введение постоянной национальной валюты, литов, было наконец успешно осуществлено в июне 1993 г. Литы были объявлены конвертируемыми как для текущих операций, так и (с некоторыми ограничениями) для счетов предприятий. Введение конвертируемости национальной валюты оказало сильное понижающее воздействие на уровни инфляции. Г-н Ромуальдас Високавичус, вновь назначенный управляющий БЛ, проводил жесткую кредитно-денежную политику, нацеленную на дальнейшее снижение темпов инфляции и поддержание курса лита. Он также настаивал на приватизации коммерческих банков с тем, чтобы стимулировать необходимые перемены в их деятельности. Он, однако, был уволен со своего поста через полгода работы за якобы имевшее место должностное преступление и не вернулся обрат-

но даже после того, как суд установил, что все обвинения против него были полностью сфабрикованы. Как и следовало ожидать, проводимая им политика вступила в конфликт с политикой парламента, где доминировала ДПТ, и правительства, предпочитавшего политику «легких денег», которая способствовала быстрому обогащению номенклатуры. В результате, несмотря на некоторое замедление темпов падения производства, к концу 1993 г. темпы денежной эмиссии и инфляции вновь начали повышаться. После некоторого ужесточения монетарной политики в первом квартале 1994 г. уровень инфляции понизился. Однако по мере роста напряженности в государственном бюджете и изменений в денежной политике в 1994 г. инфляция вновь начала усиливаться, несмотря на меры, предпринятые лично президентом [Algirdas Brazauskas...1994; IMF 1994; Materials ...1993; Lainela & Sutela 1994; et al.]

Столкнувшись с последствиями собственной политики «легких денег» в сфере налогообложения и государственного вмешательства (субсидии государственным предприятиям, импортные барьеры, бюрократизация и т.д.), литовский парламент, в котором преобладали посткоммунисты, и правительство пошли на неожиданный поспешный шаг, изменив институты денежной политики. В марте 1994 г. был принят так называемый Закон о надежности лита, что подтвердило живучесть старой советской привычки к всеобщей зарегулированности (план в звучании советской риторики обычно был высшим законом). Однако правительство также сделало и один реальный (в отличие от формально-правовых) шаг. Опираясь на советы одного оптимистично настроенного западного экономиста (имеющего в арсенале методов одно единственное заведомо правильное решение), оно образовало валютное управление (ВУ), известное как альтернатива центральному банку и денежной политике в целом. Опираясь на резервы выбранной опорной валюты, ВУ представляет собой не более чем бюро по обмену национальной валюты на опорную валюту и наоборот по фиксированному номинальному курсу. Выбранный курс в 4 лита за 1 доллар США девальвировал лит примерно на целый пункт. Начиная с 1 апреля 1994 г. ВУ должно было находиться под непосредственным контролем правительства. Продиктованный в значительной мере политическими соображениями, этот шаг эффективно передал некоторые из наиболее важных конституционных функций Банка Литвы (БЛ) правительству, которое, кстати, само породило инфляционное давление. Однако правительство, возможно, все еще стремилось присвоить себе заслуги денежной политики, проводимой БЛ под руководством Р. Високаявичуса. Несколько месяцев спустя правительство без особой рекламы отчасти пересмотрело собственное решение для того, чтобы сохранить лицо ввиду нарушения литовской конституции, и не только ее. Вышеупомянутый советник вскоре отрекся от своего оригинального замысла в Литве и других странах как от «нежелательных» из-за отсутствия чистоты эксперимента [Hanke 1994a&b]. Я всегда был склонен в целом разделять эту изменившуюся точку зрения. И вот почему [Samonis 1994a, 1995a].

С теоретической точки зрения, в рыночной экономике ВУ является мощным средством противодействия популистскому давлению [Hanke, Jonung & Schuler 1993; et al.]. Вероятно, желательно также и введение ВУ в странах, где на первом этапе посткоммунистической стабилизации проявились длительные трудности, таких, например, как Украина, Беларусь или Россия [Samonis 1994a&b, 1995a]. Однако, я сомневаюсь в наличии серьезных оснований для того, чтобы вводить ВУ в странах, вступивших во вторую стадию стабилизации, таких как Литва. Если литовское правительство будет продолжать свою порочную политику налогообложения и государственного вмешательства, то никакое ВУ на практике все равно невозможно. Если же оно вступит на путь политики жестких финансовых ограничений, как о том свидетельствуют отдельные заявления и некоторые шаги, то это будет бесполезным занятием, поскольку необходимость существования ВУ отпадет, особенно если учесть, как изменялся курс литовского лита при его регули-

ровании центральным банком. Будучи наиболее сильной (или второй по стабильности) валютой в Европе в межвоенный период независимости, курс лита относительно западных валют на международном межбанковском рынке в долгосрочном плане возрастал и после его введения вновь в июне 1993 г. В результате коррекционная инфляция в Литве снизилась с максимального уровня в 1100% в 1992 г. до 410% и менее в 1993 г. с сильной тенденцией к понижению (связанной с введением лита), резервы которой не исчерпаны и поныне (см. табл. 1). Поспешное образование ВУ стало для Литвы, таким образом, лекарством от еще не существующей болезни, принятым в тот момент, когда страна уже достигла немалых успехов в повторном овладении нетривиальными навыками денежной политики, проводимой центральным банком. Более того, эффективность ВУ и побочные результаты его деятельности в контексте перехода от плана к рынку и экономической реинтеграции Запада и Востока не были в достаточной мере исследованы; в западноевропейских странах существуют именно центральные банки, а не валютные управления. Среди посткоммунистических стран после 1992 г. единственной страной, продемонстрировавшей в какой-то степени успешное введение ВУ с формально-технической точки зрения, стала Эстония. Это, однако, произошло в силу ряда особых обстоятельств: например, возвращения значительных золотых резервов, девальвации немецкой марки, выступающей в качестве якорной валюты. Кроме того, ВУ было введено достаточно случайно и, поскольку оно было призвано выполнить функцию обеспечения прямого и быстрого перехода от рубля к постоянной национальной валюте, то являлось скорее всего лишь временным. В любом случае результаты оказались достаточно скромными. Так, уровни инфляции и падения производства в Эстонии были выше, чем в Литве в первой половине 1994 г., т.е. когда было организовано литовское ВУ. По меньшей мере, утверждения рьяных сторонников ВУ (таких, как в прошлом профессор Стив Ханке), что, в отличие от центрального банка, ВУ способно немедленно стабилизировать литовскую экономику или что переход от БЛ к ВУ (или упразднение первого) имеют жизненно важное значение с точки зрения гарантий сохранения литовской независимости, следует отнести к жанру научной фантастики. Как бы то ни было, объем денежной массы и уровень инфляции в течение остальной части 1994 г., после организации в Литве 1 апреля ВУ, постоянно повышались, несмотря на установление фиксированного обменного курса лита (или скорее вследствие его установления). В случае, если превышение темпов развития экспорта над темпами развития внутреннего производства выйдет за рамки первоначального эффекта занижения курса лита, то ВУ может превратиться в учреждение, поддерживающее инфляцию. Это вполне способно произойти в такой малой, зависимой от внешней торговли европейской стране, как Литва, по мере преодоления экономических диспропорций, навязанных ей советской системой [Hanke 1994a&b; Bennett 1993; Bareisis 1994; Kizas 1994; Lainela 1993; Lainela and Sutela 1994; IMF 1993,1994; Samonis 1995; et al.].

7. Пять лет пути: ситуация в конце 1994 года

Ниже представлена попытка подвести итоги пятилетнего периода, истекшего после принятия Программы экономической независимости Литвы и первых шагов по ее реализации. Изложенное дает представление о том, в какой точке пути от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку находится Литва пять лет спустя (см. табл. 1, 2, 3, 4)

7.1. Макроуровень

По сравнению с другими республиками бывшего СССР или даже странами Центральной Европы, процессы трансформации в Литве к концу 1994 г., испытывая на себе действие всех ограничителей, о которых говорилось выше, развивались тем не менее вполне удовлетворительно. Вместе с тем, это было в значительной степени обусловлено мощным импульсом, созданным радикальной стратегией трансформации проводившейся правительствами, существовавшими до 1993 г., и Банком Литвы; как правило, в экономических системах, находящихся в процессе трансформации, последствия политики правительства начинают проявляться с временным лагом в 1,5-2 и даже более лет. В 1994 г. средние темпы инфляции составили немногим более 3% в месяц и этот год стал первым годом реального экономического роста, достигшего по официальным литовским данным вполне удовлетворительного уровня в 3% (см. табл.1). Официальный уровень безработицы (около 4%) по-прежнему весьма низок, что отчасти связано со значительным снижением реальной заработной платы. Это также предполагает наличие некоторой скрытой безработицы (неоплаченные отпуска, укороченная рабочая неделя и т.п.) и/или существенного уровня занятости в неофициальном секторе экономики, масштабы которого очень трудно оценить. С подобными явлениями можно столкнуться не только в Литве; они мало чем отличаются от подобных, наблюдаемых в других переходных экономиках — в республиках бывшего СССР или даже в странах Центральной Европы (например, в экономике Чехии). Вместе с тем, МВФ подверг критике отдельные аспекты политики посткоммунистического правительства (процесс приватизации, недостаточную реформу банковской системы, неразвитую систему статистики и налогообложения, политические решения, вызывающие напряженность в бюджете, социальную политику и т.п.). Остается лишь надеяться, что цели, поставленные в меморандуме, заключенном с МВФ на 1995-1997 гг., будут достигнуты [From the Executive...1994; et al.].

7.1.1. Сектор внешнеэкономических связей

Имея уровень отношения объема экспорта к ВВП порядка 60%, к концу 1994 г. экономика Литвы оставалась сильно ориентированной на внешние рынки. Ее внешняя торговля либерализована и регулируется главным образом с помощью известных на Западе рыночных экономических инструментов. Действовавшие ранее лицензирование экспорта и обязательная продажа валютной выручки были упразднены. Около двух третей литовского импорта не облагается таможенными сборами, для остальной части импорта уровень пошлин составляет от 5 до 15% и становится все более единообразным. Экспортными пошлинами в размере от 10 до 50% облагаются только произведенные в Литве сырье и материалы, однако от них предполагается вовсе отказаться. В 1994 г. Литва поддерживала экономические отношения с более чем 160 странами мира; Россия, на которую приходится свыше трети торгового оборота, продолжает оставаться основным ее партнером. Те «контакты», которыми хвастались посткоммунисты, оказались совершенно бесполезными в новой и во многих отношениях быстро меняющейся Москве. Она продолжала настаивать на продаже своей нефти по мировым ценам и ввела на весь импорт из Литвы двойной импортный тариф до тех пор, пока Литва не даст разрешения на военный транзит в Калининград на льготных условиях (такое разрешение было дано в январе 1995). Отчасти спад производства в Литве был связан со слишком медленной переориентацией торговли со стран бывшего Советского Союза на Запад. В результате этого, а также ряда факторов, связанных с нестабильностью в России, прямые иностранные инвестиции невелики. Это косвенно подтверждается и опытом стран, находящихся в сходной ситуации, например, Эстонии и Болгарии [The Little...1994; IMF 1994; Background ...1994; et al.].

Несмотря на сильное, повышающее конкурентоспособность литовских товаров снижение реальной заработной платы, баланс текущих платежей в Литве начал сводиться с дефицитом (см. табл. 3). Положительное сальдо по статьям движения капиталов отражало главным образом довольно существенный объем официальной помощи, поскольку Литва в 1992 г. вступила в международные финансовые организации (МВФ, МБРР, ЕБРР и др.). Наметилась тенденция постоянного нарастания внутреннего и внешнего долга. Внешний долг к концу 1994 г. составил около 600 млн. долларов США и достиг объема валютных резервов Литвы. Довольно значительная его часть, точные размеры которой трудно оценить, в лучших традициях популистской политики направлялась на поддержание уровня потребления [ELTA 1993; IMF 1993; Rainys 1994; Algirdas Brazauskas...1994; Nuo-iki...1994; Nauseda 1995; Talocka 1995; et al.].

7.2. Микроуровень

7.2.1. Сектор предприятий

К концу 1994 г. примерно две трети литовской рабочей силы и около 60% экономического потенциала Литвы (по ВВП и по стоимости основных фондов) находилось с формально-правовой точки зрения в частной собственности (см. табл. 4). Хотя приведенные данные и не совсем точны из-за неразвитости системы статистического учета, с точки зрения любых стандартов посткоммунистического мира их можно оценить как вполне приемлемые. Средний коэффициент использования производственных мощностей составлял около 50%, при этом на четверти предприятий производственный потенциал использовался менее чем на 30%, и лишь на 12% предприятий степень использования фондов превышала 80%. Приведенные данные показывают, что возможности для «освобождения» от неэффективных предприятий в Литве выше, чем реальная интенсивность этого процесса [Balcerowicz 1994a; Samonis 1994b; et al.]. Хотя номинальная рентабельность промышленных предприятий относительно высока (28%), предприятия сохраняют значительную задолженность (просрочки по платежам) в отношении своих поставщиков и партнеров, особенно внутренних. Величина этой задолженности составляет, по грубым оценкам, одну треть от величины их основных фондов и около десятой части ВВП. На 1 июля 1994 г. объем финансовых требований, предъявляемых литовскими предприятиями к другим предприятиям, превысил 1,5 млрд. литов, в том числе 500 млн. литов (или 34%) — к партнерам за рубежом. Объем задолженности литовских предприятий составил около 1 млрд. литов, в том числе около 300 млн. (или 27%) — иностранным партнерам. Объем задолженности Литве со стороны республик бывшего СССР (за исключением Латвии и Таджикистана) превышал величину ее собственных долговых обязательств. Приведенные выше данные вовсе не вызывают тревоги, однако они объясняют уродливую реакцию предприятий на макроэкономическую либерализацию и стабилизацию. Анализ ситуации на отдельных предприятиях свидетельствует о наращивании сумм на счетах дебиторов, что отражает и накопление средств на счетах кредиторов, эффективно выкачивающих ликвидность из сектора предприятий. Руководствуясь привычными для них со времен советского периода «правилами игры» предприятия продолжали отгружать свою продукцию и предоставлять услуги в расчете, что они будут оплачены. Во многих случаях этого не происходило, и это свидетельствует о том, что изменения в поведении предприятий происходят довольно медленно.

В этой связи наблюдался некоторый прогресс в освобождении экономической системы Литвы от неэффективных предприятий. Несмотря на проведение описанной выше политики правительства, ориентированной на некоторое смягчение внутренних (навязанных процессом трансформации) и внешних (обусловленных распадом торговых

связей) шоков для предприятий, отмечалось довольно существенное падение активности в государственном секторе предприятий. Однако масштабы этого своеобразного «освобождения» очень трудно оценить, поскольку, помимо прочих обстоятельств, значительная часть деятельности предприятий приходится на неформальный сектор. Падение объемов производства происходило беспорядочно и довольно равномерно во всех секторах экономики, и не отмечалось четкой зависимости этого падения от уровня эффективности функционирования отдельных предприятий; эта тенденция, однако, может измениться [Samonis 1994b; et al.]. Что же касается традиционного способа прекращения работы предприятий, то к концу 1994 г. в основном по инициативе кредиторов, не принадлежащих к банковскому сектору, было проведено более десятка банкротств, и этот процесс быстро развивается. Однако общий потенциал для проведения банкротств значительно выше, чем наблюдаемая их интенсивность, вследствие действия ряда факторов. В их числе дефицит опытных юристов, судей и администраторов по проведению процедуры банкротства, а также неадекватности других элементов системы «освобождения» от неэффективных предприятий. Кроме того, это связано и с различными неувязками в литовском законодательстве, такими как противоречия между некоторыми положениями трудового законодательства (например, о коллективных трудовых соглашениях, о компенсациях при увольнении и др.) и положениями и процедурами закона о банкротстве. То же самое касается и закона о приватизации, который запрещает продажу фондов по ценам ниже балансовой стоимости. В соответствии с Законом о банкротстве предприятий в случае, если часть фондов предприятия берется для обеспечения залога, то банк рассматривается как привилегированный кредитор. Однако банки неохотно инициируют процедуру банкротства несостоятельных предприятий по ряду причин, которые сводятся к недостаточности стимулов, под влиянием которых они действуют. В целом коммерческие банки избегают инициировать банкротство, продляя сроки погашения ссуд. Однако с введением новых, более жестких, правил банки не смогут более продлять их более чем на 180 дней, после чего такая ссуда должна быть признана просроченной. Предприятия используют такие приемы, как ссуды, взятые другим (обычно фиктивным) предприятием. В повседневную практику вошло перезаключение соглашений о кредите и их пролонгация. Наиболее кредитоспособные заемщики получают трехмесячные ссуды на основе пролонгации кредита из-за того, что ни банки, ни заемщик не могут принять на себя долгосрочные обязательства в современных чрезвычайно рискованных условиях. С декабря 1993 г. функционирует Консультационное агентство по реструктуризации предприятий. Целью деятельности этого агентства является консультирование крупных государственных предприятий, внесение предложений по их структурной перестройке и подготовка их к приватизации. Агентство создано в рамках Министерства промышленности и торговли и поддерживается Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). Однако, являясь консалтинговым учреждением, Агентство не предоставляет финансовой помощи [Maldeikis 1994; Samonis 1994b; IMF 1994; et al.].

7.2.2. Финансовый сектор

Кредитная политика, проводившаяся Банком Литвы (БЛ) начиная с момента организации системы центрального банка, была чрезвычайно жесткой. В течение первой половины 1993 г. коммерческие банки столкнулись с введением БЛ индивидуальных ежеквартально пересматриваемых кредитных потолков. Это вызвало краткосрочную (на один месяц) потребность отказаться от основополагающего принципа БЛ воздерживаться от контроля за процентными ставками и допустить их рыночное формирование. После образования ВУ в апреле 1994 г. политика БЛ состояла в том, чтобы воздерживаться от предоставления новых кредитов коммерческим банкам с тем, чтобы сохранить рудимен-

тарную способность выступать в роли последнего кредитора в случае критической ситуации. Для коммерческих банков были разработаны разумные правила деятельности с использованием стандартных процедур расчета адекватности уставного капитала (правил Базельского комитета), критериев кредитного риска и требований резервирования депозитов, применяемых в западных банках. Например, с целью ограничения кредитования требования к обязательному резервированию были повышены с 8 до 12% [Laws ...1994; Materials...1993; IMF 1994; Bennet 1993; Lainela and Sutela 1994; et al.].

К концу 1994 г. сектор коммерческих банков состоял из более чем двух десятков банков и был в основном приватизирован. Роль государства и его контроль за несколькими коммерческими банками со смешанным частно-государственным капиталом в 1993-1994 гг. были усилены [Nauseda 1995; et al.]. В целом, однако, влияние частного сектора в банковском деле растет. Начиная с 1994 г. первые иностранные банки (А.О. Польская касса опеки, Королевский банк Шотландии, некоторые немецкие банки и др.) открыли свои представительства в Литве. В результате в банковском секторе отмечается некоторый рост, хотя уровень конкуренции здесь остается недостаточным. До сих пор непреодоленная инфляция вызвала рост номинальных процентных ставок, формирующихся на рынке, которые, тем не менее, имеют четкую долгосрочную тенденцию к снижению. Вследствие изменения темпов инфляции реальные процентные ставки колеблются от отрицательных до положительных значений. Как было показано выше, банки, не желая инициировать банкротства, действовали довольно пассивно, в чем проявились пережитки прошлого, включая права собственности. Они не проявили активности и как проводники структурной перестройки предприятий. К 1993 г. процесс структурной перестройки собственно банковского сектора Литвы был осложнен тем, что банки оказались в положении чистых должников как по отношению к населению, так и к предприятиям, а также попытками предъявлять имеющие сомнительную ценность требования к уже прекратившим свое существование финансовым учреждениям бывшего СССР. К концу 1994 г. несколько банков обанкротились. Однако в целом более серьезной проблемой по сравнению с дефицитом ликвидных средств стали дефицит приемлемого риска и отсутствие выгодных инвестиционных возможностей, что следовало из неиспользованных кредитных ресурсов и интенсивного приобретения государственных долговых обязательств [Lainela & Sutela 1994; World Bank 1993; Background...1994; Nauseda 1995; et al.].

Роль небанковского финансового рынка все еще невелика. Хотя теоретически приватизация ваучерного типа и должна была привести к росту торговли акциями, на институционализованном рынке это пока не сказывается. Несмотря на то, что довольно большое число предприятий (около 100) зарегистрировано на хорошо организованной Национальной фондовой бирже Литвы (НФБЛ), построенной по образцу Парижской фондовой биржи, ее оборот невелик и страдает от недостатка ликвидных средств, что характерно для большинства фондовых бирж в посткоммунистических странах. В целом же, финансовые рынки Литвы не являются менее развитыми по сравнению с другими странами бывшего СССР или даже с центрально-европейскими странами [Hansson 1994; Semeta 1994; Siemet 1995; et al.].

8. На пути к корпоративной системе?: «похищены» ли посткоммунистические изменения?

Как было показано выше, целью Программы экономической независимости Литвы была разработка для страны целевой экономической модели. Хотя споры относительно целевой модели для посткоммунистической экономики и не завершены, для большинства

экономистов, занимающихся проблемами переходного периода, несомненно, что так называемый третий путь не является лучшим решением. Учитывая неоправданно низкий уровень экономического развития Литвы и уровня жизни ее населения, отмеченные в Программе, подобное оптимальное решение должно представлять собой систему, ориентированную на рост и опирающуюся на конкурентные рынки. Важно поэтому подчеркнуть, что Программа не была полностью свободна от тенденций «третьего пути», которые впоследствии проявились в некоторых описанных выше модификациях процесса трансформации, в особенности начавшихся после 1993 г. И хотя литовская трансформация шла относительно быстрыми темпами, и к 1994 г. она не окончательно свернула с этого пути, «третий путь» или иные подобные «окольные пути», идущие в обход прямой дороги к конкурентному рынку, все еще пока возможны и в Литве, и в других странах. Более того, международные организации, консультирующие по вопросам посткоммунистической трансформации и оказывающие помощь в ее проведении (например, МВФ, Мировой Банк, ЕБРР), обычно избирают краткосрочный или среднесрочный подходы, откладывая на будущее долгосрочные аспекты формирования соответствующей целевой экономической и политической системы и оставляя решение этой задачи для независимых государств и их правительств.

На основе представленного очерка литовской трансформации можно сделать следующие выводы. В целом, старая номенклатура активно занята «стрижкой купонов» и собственным быстрым обогащением, которое стало возможным на «уже не плановом, но все еще не конкурентно-рыночном» этапе литовской трансформации. Появление подобного класса рантье, который формирует социальную основу для посткоммунистических партий, наблюдалось и в других нетрансформированных или находящихся на промежуточных стадиях трансформации экономических системах [см., например, Navtylyshyn 1993]. Возможности для быстрого обогащения создаются различными элементами экономической системы в процессе трансформации. Например, лишь частичная либерализация внешней торговли позволяет чиновникам различных уровней получать огромные доходы от взяток за выдачу экспортных или импортных лицензий, от произвольного освобождения тех или иных фирм от импортных пошлин или осуществляя таможенную очистку на границе. Другие используют для получения доходов монопольное или олигопольное положение своих предприятий на внутреннем рынке, прочие — возможности, предоставляемые бюрократизацией и государственным вмешательством в экономику. Эта тенденция может привести к тому, что в результате посткоммунистической трансформации сформируются не конкурентные рынки, а корпоративные системы. Корпоративные системы характеризуются бюрократическими, политизированными, моно- или олигопольными формами сделок между несколькими доминирующими крупными корпорациями и правительственными структурами. В современном мире черты корпоративизма демонстрируются большинством латиноамериканских стран.

Некоторые способы «эксплуатации» посткоммунистических изменений старой номенклатурой в Литве были рассмотрены выше. Другая форма «эксплуатации», не обязательно независимая от первой, — новая мафия (организованная преступность). Симбиоз старой номенклатуры, новой мафии и структур посткоммунистического правительства неизбежно ведет к развитию таких патологических явлений, как беспредельная коррупция и экономическая поляризация посткоммунистического общества на имущих и неимущих. Эта тенденция, по некоторым оценкам, проявилась уже в заметных масштабах [Abisala 1995; et al.]. Неимущие слои будут естественным образом исключены из экономического процесса, опирающегося не на конкуренцию, а на политизированные, моно- и олигопольные формы сделок, характерные для корпоративной системы. Это будет эффективно препятствовать формированию среднего класса, которой является основным стабилизатором любых государственных структур. Трудно ожидать высокого уровня ста-

бильности, основанного на устойчивом экономическом развитии, в странах, подвергнувшихся действию вышеназванных тенденций. В лучшем случае Восточная Европа станет Латинской Америкой, а не Западной Европой или Северной Америкой.

Многое свидетельствует в пользу того, что литовский «окольный путь» воспроизводится в других странах посткоммунистического мира. Парламентские выборы в Польше, Венгрии и Болгарии привели к возвращению к власти бывших коммунистов или близких к ним сил. В других странах коммунисты или бывшие коммунисты вообще никогда, по сути дела, не теряли власти (например, в Румынии, на Украине, в Беларуси). Как свидетельствует доклад уходящего правительства «Солидарности», даже после четырех лет трансформации Польша все еще находится на середине пути, и «особые интересы» все еще способны навязать изменения курса. Некоторые меры, предпринятые польским посткоммунистическим правительством (отказ от проведения административных реформ, коммерциализация вместо приватизации, государственные интервенционизм, протекционизм и т.д.), очевидно, подтверждают подобные опасения [Andrzejewski 1995; Tarnowski 1993; Baczynski 1993; Nowy...1994; Szanowny...1994; Kulesza 1994; Janecki & Zybala 1995; et al.].

Как было показано выше, опыт Литвы по меньшей мере ставит вопрос о способности и/или желании посткоммунистического правительства сопротивляться «особым интересам» и другим подобным искушениям, продолжая курс на проведение радикальной трансформации к конкурентному рынку на благо общества в целом. И все же сохраняется надежда, что правительства и избиратели во всех бывших посткоммунистических странах извлекут уроки и сделают необходимые выводы из «посткоммунистического поворота» Литвы и других стран на пути от плана к рынку. Литва первой совершила такой поворот и, видимо, станет первой из тех стран, кто вернется на прежние рельсы.

Библиография

- Abisala, A. 1993. Issues in the Post-Soviet Transformation in the Baltics: The Case of Lithuania. A presentation by Dr. Aleksandras Abisala, former Prime Minister of Lithuania, at the seminar of the Centre for Russian and East European Studies, University of Toronto, Canada, March 2, 1993.
- Abisala, A. 1995. Personal communication with Dr. Aleksandras Abisala, former Prime Minister of Lithuania, University of Toronto, Canada, February 20.
- Aleskaitis, V. 1990a. Islaikytine, duodanti nauda. Atgimimas, No. 12.
- Aleskaitis, V. 1990b. Tarp susizavejimo ir nusibodimo faziu. Atgimimas, No. 22.
- Algirdas Brazauskas prieme Tarptautinio valiutos fondo atstovus. 1994. Litas, No. 36.
- Andrzejewski, P. 1995. Bilans strat. Wprost, No. 8.
- Antanavicius, K. 1993. Fatalizmo ar valingos kaitos keliu. Politika, January 18.
- Antanavicius, K. 1995. Personal communication with Prof. Kazimieras Antanavicius, former Chairman, Economic Committee, The Parliament of Lithuania, University of Toronto, Canada, January 31.
- As the oil stops flowing. 1990. The Economist, April 21.
- Background Study of the Economy of Lithuania. 1994. Vilnius: Economic Research Centre.
- Baczynski, J. 1993. Raport o stanie panstwa: w pol drogi. Polityka, No. 45
- Balcerowicz, L. 1994a. Laboratorium historii. Wprost, No. 21.
- Balcerowicz, L. 1994b. An Analytical Note on Exit. Warsaw: The Center for Social and Economic Research.
- Balcerowicz, L. 1995. 'Transition Problems Are Not the Monopoly of Transition Economies'. An Interview with Prof. Leszek Balcerowicz, the chief architect of Poland's radical postcommunist transformation strategy. Journal of East-West Business, No. 5.
- Baldisis, V. and V. Terleckas. 1989. Ar reikia Lietuvai lito? Gimtasis Krastas, June 29.
- Bareisis, M. 1994. Kainu dinamika: pamazu didejanti infliacija. Naujasis Kapitalas, No. 14.
- Bennett, A. 1993. The Operation of the Estonian Currency Board. IMF Staff Papers, No. 2.
- Dabrowski, M. 1995. The Role of the International Agencies and the West in the Post-Communist Transition: Some Selected Aspects. Paper prepared for the American Economic Association Convention 1995, Washington, DC, January 7, 1995.
- Dvi nuomones. 1993. Savininkas, No. 27.

Ed Hewett on Reforming Soviet Socialism. 1990. Meeting Report. New York: Institute for East-West Security Studies.

Ekonomikos ministerijoje. 1990. Atgimimas, No. 23.

From the Executive Board.... 1994. IMF Survey, November 14.

Grazin, I. and Miljan, T. 1990. The Kremlin's illegal power play. The Globe and Mail, June 6.

Gineitis, A. 1993. Politikai dar tik be liemeniu, o pramonininkai — jau be kelniu. Litas, No. 43.

Grennes, T. 1994. Inflation and Monetary Policy During Two Periods of Lithuanian Independence. Raleigh: North Carolina State University.

Guide for Foreign Investors in the Republic of Lithuania. Vilnius: Lithuanian Information Institute, 1993.

Hammer, D.P. 1990. Why Do the Russians Complain?. Paper presented to the conference on The 'National Question' in the Soviet Union, Waterloo-Laurier Centre for Soviet Studies, University of Waterloo, May 5.

ELTA 1993. ELTA News Service of October 22, 1993.

Hanke, St. 1994a /and Schuler, K./. Letter to the Editor Currency Board-like Systems Are Not Currency Boards. Transition, No. 6.

Hanke, St. 1994b. Lithuanian Currency Litas Pegged to US Dollar. The Voice of America broadcast prepared by Mr. Romas Kasparas based on Prof. Stephen Hanke's presentation at the Lithuanian Embassy in Washington, DC on March 31, 1994.

Hanke, St., Jonung, L., and Schuler, K. 1993. Russian Currency and Finance: A Currency Board Approach. London: Routledge.

Hansson, A. 1994. The Impact of Recent Developments in Russia on the Economic Transformation of the Baltic States, in: The Little Country That Could. Washington, DC: Embassy of Estonia.

Havrylyshyn, O. 1993. On the Change in the Ukrainian Economy. Paper presented at the Symposium on Two Years of Ukrainian Independence, York University, Toronto, Canada, on October 8, 1993.

Havrylyshyn, O. and Williamson, J. 1991. From Soviet Disunion to Eastern Economic Community?. Washington: Institute for International Economics.

How Will an Independent Lithuania's Economy Function? 1990. The Lithuanian Review, No. 2.

IMF 1993,1994. Lithuania. Washington, DC: IMF Economic Reviews, No. 7, 6.

Infliacija Lietuvoje priklauso nuo ukiniu subjektu nuotaiku. 1995. Naujasis Kapitalas, No. 2.

Janecki, St. and Zybala, A. 1995. Bilans traconych szans. Wprost, No. 5.

- Jaskelevicius, K. 1990. Liudnojo vaizdo dispeceriai, arba kiek dar ilgai smilks ekonomikos lauzas. *Atgimimas*, No. 23.
- Kaminskas, V. 1990. Blokados zuti pasitinkant. *Atgimimas*, No. 23.
- Kaminskas, V. and Parulskis, V. 1990. Viens, du, trys! Plytine parduota!. *Atgimimas*, No. 24.
- Kizas, V. 1994. Lito devalvavimo gresme. *Naujasis Kapitalas*, No. 14.
- Kolodko, G. 1993. Kwadratura pieciokata: Od zalamania gospodarczego do trwalego wzrostu. Warszawa: Poltext.
- Kniuksta, G. 1995. Verslininku ir valdzios santykiai turi buti grindziami kolegialiai. *Naujasis Kapitalas*, No. 1.
- Konopliovas, G. 1993. Reforma ir nuosavybe. *Litas*, February 9.
- Krueger, A. 1990. Perspectives on Trade and Development. New York: Harvester Wheatsheaf.
- Kulesza, M. 1994. Apetyt na wladze. *Wprost*, No. 22.
- Lainela, S. 1993. Currency Reforms in the Baltic States. *Communist Economies and Economic Transformation*, No. 4.
- Lainela, S. and Sutela, P. 1994. The Baltic Economies in Transition. Helsinki: Bank of Finland.
- Law allows Baltics increased autonomy. 1989. *The Globe and Mail*, November 28.
- Laws and Standard Acts Regulating the Activities of the Banks of Lithuania. 1994. Vilnius: The Bank of Lithuania.
- Lietuva skaciais 1993. 1994. Vilnius: Statistikos Departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybes.
- Lietuvos ekonomine ir socialine raida 1994 m. sausio-gruodzio men. 1995. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybes.
- Lietuvos ekonominio savarankiskumo koncepcija. 1988. Vilnius: Zinija.
- Lithuania's 'Indebtedness' to USSR Refuted. 1990. Report on the Soviet Union, Foreign Broadcast Information Service, May 1.
- The Little Country That Could. 1994. Washington, DC: Embassy of Estonia.
- Maldeikis, E. 1994. Materials supplied by Dr. Eugenijus Maldeikis, Senior Economic Adviser to the President of Lithuania, Vilnius.
- Materials of the case The Chief Prosecutor of the City of Vilnius vs. Romualdas Visokavicius, The Governor, The Bank of Lithuania. Vilnius, Lithuania, various dates in 1993.
- Miljan, T. 1990. Perestroika in the Baltic Republics. Toronto: Canadian Institute of International Affairs, Behind The Headlines Series.

- Misiunas, R. and Taagepera, R. 1983. The Baltic States: Years of Dependence 1940-1980. Berkeley: University of California Press.
- Nauseda, G. 1995. Valstybe tempia i save striuka finansu antklode. Lietuvos Rytas, No. 30.
- Navikas, P. 1995. Mokesčiai Lietuvoje ir kitose valstybese. Litas, No. 11.
- Nowy plan trzyletni. 1994. Wprost, No. 22.
- Nuo-iki. 1994. Naujasis Kapitalas, November 3.
- Peleckis, L. 1993. Suplanuotas zemes ukio zlugdymas. Lietuvos Aidas, October 19.
- OMRI 1995. A Note on Privatization in Lithuania. Prague: Open Media Research Institute Daily Digest, No. 25, Part II, February 3.
- Peel, Q. 1990. An ill-matched bout of shadow boxing. Financial Times, March 28.
- Personal communication with Prof. Kazimiera Prunskiene, former Prime Minister of Lithuania, Toronto, Canada, Fall 1989.
- Pripazintas neteisetas privatizavimas. 1994. Tevishes Ziburiai, November 9.
- Rainys, G. 1994. Materials supplied by Mr. Gediminas Rainys, Senior Economist, The Center for Economic Research, Vilnius, Lithuania.
- Rugieniene, L. 1990. Lietuvos ekonomistai Detroite. Draugas, May 15.
- Sajudis senas ir naujas. 1990. Atgimimas, No. 22.
- Samonis, V. 1985. Lithuania's Economic Development in the Years 1940-1985: A Look from the Comparative Perspective. Paper for the Fifth Symposium on Arts and Sciences, The Lithuanian World Community, Inc., Chicago, Illinois, November 24-27.
- Samonis, V. 1990a. The Blueprint for Lithuania's Economic Independence: A Systemic Perspective. The European Journal of Political Economy, No. 6.
- Samonis, V. 1990b. Lietuvos ekonomine blokada — Maskvai antras Cernobilis: Pasikalbejimas su Prof. E. Vilku, LMA Ekonomikos instituto direktoriumi. Tevishes Ziburiai, July 3.
- Samonis, V. 1991a. Who Subsidized Whom? The Distorted World of Baltic-Soviet Economic Relations. Current Politics and Economics of Russia, No. 3.
- Samonis, V. 1991b. From Dependence to Interdependence: Transforming Baltic Foreign Economic Relations. Indianapolis: Hudson Institute.
- Samonis, V. 1991c. Presentation on Privatization in Lithuania and other Postcommunist Countries, The Seventh Symposium on Arts and Sciences, The Lithuanian World Community, Inc. and The Government of Lithuania. Vilnius: Lithuanian Institute of Agrarian Economics, May 26, 1991.
- Samonis, V. 1992. State, Market, and the Postcommunist Economic Transformation: A Macroanalytical Framework. Brussels: The International Institute of Administrative Sciences.

Samonis, V. 1993a. Economic Reforms in the Baltics: The Case of Lithuania, in: Krzysztof Tor, Editor, Privatization and Socioeconomic Policy in Central and Eastern Europe. Krakow: Krakow Academy of Economics.

Samonis, V. 1993b. Lietuvos Ekonomika, Quo Vadis?. Litas, No. 9.

Samonis, V. 1993c. Gospodarki krajow postkomunistycznych: najpierw upadek, potem wzrost. Rzeczpospolita /Warsaw, Poland/, No. 133.

Samonis, V. 1993d, 1991. One Step Forward and Two Steps Back: The Impact of Sovietization on the Lithuanian Economy. Toronto: University of Toronto.

Samonis, 1994a. Ar Lietuvoje jau Amerika? Kaip tvarkyti monetarine politika bei kiti pasiulymai. Lietuvos Aidas, July 6.

Samonis, V. 1994b. Enterprise Exit in the Former USSR: Country Studies, Solutions. Paper prepared for the Conference on Enterprise Exit in Transition Economies, The Central European University, Prague, Czechia, October 14-16, 1994.

Samonis, V. 1995a. Monetary Transformations in Postcommunist Economies: Theory and Evidence. Paper presented at the International Convention of the Allied Social Science Associations, Washington, DC, January 6-8, 1995.

Samonis, V. 1995b. The Blueprint for Lithuania's Future: Main Issues. Toronto: University of Toronto.

Semeta, A. 1994. Personal communication with Mr. Algirdas Semeta, President, Securities and Exchange Commission of Lithuania, Vilnius, October 5, 1994.

Siemet Lietuvoje savo atstovybes isteigs pirmieji uzsienio bankai. Naujasis Kapitalas, No. 2.

Simenas, A. 1993,1994. Personal communication with Dr. Albertas Simenas, the first Prime Minister of independent Lithuania, Vilnius, June and October of 1993 and 1994.

Simutis, A. 1942. The Economic Reconstruction of Lithuania After 1918. New York: Columbia University Press.

Slyshat' drug druga. 1989. Kommunist, No. 6.

Something has to give. 1993. The Economist, March 13.

Summers, L. 1990. Gorbachev Should Pay Lithuania. The New York Times, March 14.

Szanowny Panie Premierze. 1994. Polityka, No. 22.

Talocka, R. 1995. Lietuvos pramonės eksportas 1994 metais ir tendencijos ateityje. Naujasis Kapitalas, No. 1.

Tanzi, V. 1977. Inflation, Lags in Collection, and the Real Value of Tax Revenue. IMF Staff Papers, Vol. 24 /March/.

Tarnowski, P. 1993. Po lewej stronie drogi. Polityka, No. 43.

Uosis, St. 1988. Del sajunginiu respubliku ukiskaitos. *Gimtasias Krastas*, No. 32.

USSR: Russian roulette. 1988. *East Europe Newsletter*, No. 17.

Vainauskiene, B. 1990. Lietuvos bankas — karalius be karunos. *Gimtasias krastas*, No. 10.

Valatka, R. 1993. Seimo rudens sesija pradejo saltaji sezona. *Lietuvos Rytas*, No. 178.

Vyriausybe isleidzia desimtaja obligaciju emisija. 1994. *Litas*, October 27.

Vysniauskas, V. 1990. Isminciu taryba. *Atgimimas*, No. 21.

Wadekin, K. 1985. Agriculture in Inter-System Comparison: Communist and Non-Communist Cases. Berlin: In Kommission Bei Duncker und Humboldt.

Wolf, T. 1994. *Currency Arrangements in Countries of the Former Ruble Area and Conditions for Sound Monetary Policy*. Washington, DC: IMF Paper on Policy Analysis and Assessment.

The World Bank 1993. Lithuania: The Transition to a Market Economy. Washington, DC: A World Bank Country Study.

Таблицы

Таблица 1

Развитие экономики Литвы в 1989-1994 гг.

	1989	1990	1991	1992	1993	1994
ВВП (в текущих ценах)	12265 млн.руб. ¹	12897 млн.руб. ¹	42282 млн.руб. ⁴	247648 млн. талонов ¹ или 3383 млн. литов ²	11075 млн. литов ²	16540 млн. литов ²
ВВП (в реальном исчислении)		-5% ⁵	-13% ⁵	-38% ⁵	-16% ⁵	+3% ¹
Темпы роста инфляции (индекс цен на потребительские товары)		9% ¹	380% ¹	1160% ¹	410% ⁵	45-50% ²
Темпы роста безработицы			0,3% ⁵	1,3% ⁵	1,6% ⁵	3,7% ⁶
M1	8087 млн.руб. ³	11471 млн.руб. ³	17641 млн. руб. ³	688 млн. литов ⁴	1776 млн. литов ⁴	1300 млн. литов ⁴
M2	10228 млн.руб. ³	15891 млн.руб. ³	38611 млн. руб. ³	1333 млн. литов ⁴	2721 млн. литов ⁴	5000 млн. литов ⁴

Источники:

1. The Statistical Yearbook of Lithuania. Vilnius: The Lithuanian Department of Statistics, 1993
2. На основе данных Литовского департамента статистики, декабрь 1994
3. Lithuania: The Transition to a Market Economy. Washington, DC: The World Bank, 1993
4. Рассчитано по: The Monthly Bulletin. Vilnius: The Bank of Lithuania, December 1994
5. Lithuania. Washington, DC: The International Monetary Fund, 1994
6. На основе данных Литовского управления по труду, январь 1995
7. На основе переписки Президента Литвы с Мировым банком, январь 1995

Таблица 2

Литва: Консолидированный объем финансовых операций правительства в 1989-1994 гг. (млн. литов)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994 бюджет
Доходы	61	58	168	1090	3342	4300
Расходы	66	63	140	1083	3314	
Финансовое сальдо, + или –	-5	-6	27	6	115	-200
Чистое заимствование			8	10	729	
Фискальное сальдо, + или –	-5	-6	19	-4	-614	
Финансирование	4	5	-20	3	614	
внутреннее	4	5	-20	-21	-227	
банковские кредиты нетто	4	5	-21	-48	-326	
приватизация			1	27	99	
внешнее				24	841	
субсидии				24		
чистое заимствование					841	
В % к ВВП:						
Финансовый баланс	-3,8	-4,5	7,2	0,2	0,9	-1,2
Фискальный баланс	-3,8	-4,5	5	-0,1	-4,6	

Источник: Расчеты автора на основе информации правительства Литвы и МВФ

Таблица 3

Платежный баланс Литвы в 1992-1994 гг. (млн. долл. США)

	1992 ¹	1993 ¹	1994 ²
Торговый баланс	61	-267	-190
Экспорт	1145	1877	2035
Импорт	1084	2144	2225
Услуги (нетто)	-9	63	-63
Текущий платежный баланс	62	-192	-148
Баланс движения капиталов	195	313	313
Прямые иностранные инвестиции	10	83	37
Средне- и долгосрочные займы	39	137	175
Пункты меморандума:			
Баланс текущих счетов, % ВВП	3	-6	-4
Общая внешняя задолженность	99	345	600
Общая внешняя задолженность, % ВВП	5	11	15
Обслуживание долга	2	15	30 ³

Источники:

1. Lithuania. Washington, DC: The International Monetary Fund, 1994
2. Расчеты автора на основе данных Министерства экономики Литвы за 9 месяцев
3. Оценки автора

Таблица 4

Приватизация в Литве в 1991-1994 гг.

	Предназначено для приватизации	Приватизи- ровано	Приватизи- ровано, %
Всего			
Общее число предприятий	6610	5150	78
Капитал /млн.литов/	3850	3100	81
Ваучеры /млн. литов, номинал/	10000	8200	82
из них для:			
Производственных фондов		4430	54
Жилищного строительства		1640	20
Прочие		2130	26

Источник: Расчеты автора на основе данных Министерства экономики Литвы

Содержание

1. Исторический экскурс	3
2. Наследие советской оккупации	3
3. Попытки реформировать экономику до начала перестройки.....	5
4. Реформы в Литве в период перестройки	6
5. Экономические преобразования в Литве в посткоммунистический период	8
5.1. Институциональные подготовительные мероприятия и конфликт с Москвой	8
5.2. Почти полным ходом к конкурентному рынку: развитие трансформации до 1992 г.....	10
6. Воздействие посткоммунистического правительства	14
6.1. Системный поворот	14
6.2. Смешанная политика стабилизации	17
7. Пять лет пути: ситуация в конце 1994 года	20
7.1. Макроуровень	20
7.1.1. Сектор внешнеэкономических связей.....	21
7.2. Микроуровень	21
7.2.1. Сектор предприятий	21
7.2.2. Финансовый сектор.....	23
8. На пути к корпоративной системе?: «похищены» ли посткоммунистические изменения?	24
Библиография	27
Таблицы.....	33